Леонтьева Ольга Борисовна
д-р ист. наук, доцент, профессор
ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева»
г. Самара, Самарская область

DOI 10.31483/r-170750

ПАМЯТЬ НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ

Аннотация: *в статье рассматривается влияние поворота к изучению коллективной памяти на разработку проблем истории исторической науки в трудах современных российских исследователей. Показано, что в начале XXI в. проблематика, связанная с изучением коллективной памяти научных сообществ, органично вошла в контекст современной истории научных школ, историографической биографики, институциональной и дисциплинарной истории исторической науки, а также вызвала к жизни ряд проектов эго-истории в жанрах мемуаристики и интервью. Исследования коллективной памяти способствуют формированию нового образа исторической науки: социальное поле науки воспринимается как пространство, включающее в себя множество коммуникативных сетей, а коллективная память рассматривается в качестве одной из сил, способствующих постоянному возобновлению этих взаимосвязей.*

Ключевые слова: *история исторической науки, историография, мемориальный поворот, историческая память, научные школы, мемуары историков.*

В числе методологических поворотов, которые изменили облик исторической науки во второй половине XX – начале XXI в., исследователи особо выделяют «мемориальный поворот» – поворот к изучению социальной, коллективной памяти [10]. За исторически краткий срок сложилось новое междисциплинарное направление научных исследований – «memory studies», предметом изучения которого стала сама память о прошлом, живущая в сознании общества: ее содержание, способы трансляции, социальные функции. Исследования, посвященные

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

проблемам коллективной памяти и коммеморативных практик, стали неотъемлемой частью современного научного ландшафта не только в исторической, но и в других социальных и гуманитарных науках.

Важнейшим результатом и мощным стимулом дальнейших исследований стало осознание нерасторжимой связи памяти и идентичности – как на индивидуальном, так и на коллективном уровне; идентичность при этом трактуется не как нечто изначально данное, а как находящееся в процессе созидания, нуждающееся в постоянном поддержании, подвластное конструированию. Одним из ключевых условий осознания и сохранения целостности сообщества, согласно выводам современных исследователей, является наличие у него общих «мест памяти» (пантеона героев, календаря памятных дат и т. д.), социально одобряемых коммеморативных практик и ритуалов, устойчивых представлений о прошлом в массовом сознании.

Предметом изучения в современных исследованиях становится память, конструируемая «сверху», усилиями политических или культурных элит – и память разнообразных социальных групп и сообществ (этнических, локальных, профессиональных, поколенческих и др.), формирующаяся «снизу», в ходе трансляции традиционных или стихийно возникающих коммеморативных практик [11].

Правомерно поставить вопрос: воздействует ли «мемориальный поворот» на развитие историографии – специальной исторической дисциплины, которая выполняет функцию самоанализа по отношению к исторической науке? Проявляется ли «мемориальный поворот» в этой сфере науки – и если да, то что нового он привнес в практику отечественных историографических исследований?

Для ответа на этот вопрос обратимся к трудам по истории российской исторической науки, увидевшим свет в конце XX – первой четверти XXI в.

Предвестием «мемориального поворота» в исторической науке стал своеобразный «мемуарный взрыв» 1990–2000-х гг.: в это время были опубликованы мемуары ряда видных российских историков, как правило, представителей тех поколений, чье профессиональное становление пришлось на середину XX в. – Е.В. Гутновой, А.Я. Гуревича, А.А. Зимина, М.Г. Рабиновича и многих других.

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

(Важно отметить, что параллельно осуществлялась публикация мемуаров историков, созданных в 1920–1930-е гг. и посвященных переломному этапу отечественной истории – последним годам существования императорской России и революции 1917 г.). Благоприятную среду для опытов самопознания в исторической науке создал «антропологический поворот», поскольку он кардинально изменил отношение к эго-источникам: для современных историков представляет ценность именно «субъективность» таких источников, считавшаяся прежде их ключевым недостатком.

Безусловно, сам факт появления мемуаров, созданных нашими старшими современниками, – «эго-историй», «историй историков», – был связан со сменой исторических и историографических эпох; зачастую мемуаристами руководило стремление не только рассказать о своем жизненном пути, но и зафиксировать стремительно уходящий в прошлое социальный опыт и «историографический быт» советского научного сообщества историков. Как сформулировал в своих воспоминаниях Р.Ш. Ганелин, «для подлинно научных оценок историографии важны реалистические представления об условиях, в которых жили создававшие ее люди... Не только быт в узком смысле этого слова (в какой квартире жили и т. д.) имеется при этом в виду, но и житейские обстоятельства в отношениях между различными частями исторической корпорации, между историками и властью» [2, с. 23]. Стержневые темы современных мемуаров историков – тема взаимоотношений власти и науки, науки и идеологии; практика социальных взаимодействий в повседневной научной работе и в ситуациях конфликта; сохранение (или, напротив, деградация) профессиональной культуры в условиях меняющихся «правил игры»; наконец, тема обретения Учителей и поиска собственного пути в науке. Однако, хотя сам факт публикации мемуаров известных историков вызвал волну рецензий и даже острых дебатов по вопросам научной этики, аналитическое изучение этого интереснейшего массива эго-источников (в том числе в свете исследований исторической памяти, социальной антропологии и социологии науки) пока лишь начинается.

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

Потребность в самопознании научного сообщества также проявилась в начале XXI в. в целом ряде проектов по интервьюированию историков [12; 13]. При всем различии целей и приоритетов инициаторов таких проектов можно отметить, что задаваемые вопросы побуждают респондента к рефлексии не только в отношении собственного жизненного пути и профессионального выбора, но и в отношении статуса исторической науки в современном мире. В программах интервью, как правило, присутствуют вопросы, связанные с оценкой роли исторического знания в жизни современного общества, с ключевыми эпистемологическими проблемами исторического знания, с темами научной преемственности и интеллектуальных влияний. Аспекты личной, биографической памяти и профессиональной идентичности переплетаются здесь неразрывно.

Таким образом, в настоящее время формируется массив эго-источников по истории исторической науки, который в перспективе может послужить основой для изучения современного образа исторической науки – совокупности представлений ученых-историков «о сущностных характеристиках исторической науки, имманентных и социальных факторах ее развития, о ее связи с национальной культурной традицией – представлений, включенных в систему корпоративных ценностей и реконструируемых через анализ историко-научных концепций» [8, с. 23].

Проблематика, связанная с изучением коллективной памяти, органично вписалась в русло научного подхода, сформировавшегося в отечественной историографии в конце XX века и с тех пор значительно укрепившего свои позиции: схоларного подхода, в рамках которого именно научные школы – а не «течения» или «направления» – рассматриваются как важнейшие структурные единицы истории гуманитарных наук [9]. Особенностью схоларного подхода к истории исторической науки стало то, что он формировался под сильным воздействием, во-первых, интеллектуальной истории, объединившей историю идей с историей условий и форм интеллектуальной деятельности; во-вторых, под влиянием социологии и философии науки, обогативших проблемное поле и исследовательский инструментарий историографии такими концептами, как «научный этос»,

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

«социальное пространство науки», «культурный капитал», «интерактивные ритуалы», «личностное знание» и т. д.

В современной российской историографии существуют два подхода к определению феномена научной школы. Согласно одному из них, под научной школой понимается «социальный институт в университетском пространстве, внутри которого молодыми учеными, входящими в науку, приобретается особый профессиональный опыт» [14, с. 16]; в таком случае история научной школы прочно привязывается к истории организационных структур в сфере высшего образования и науки. Согласно другому определению, более широкому и гибкому, научная школа рассматривается как неформальное сообщество ученых, связанное общностью научной парадигмы и исследовательской программы, коммуникативными узами и стилем научного общения, общим научным этосом и групповой идентичностью [7]; такое научное сообщество является динамичной структурой, которая конституируется и утверждает свое существование благодаря возобновляющимся коммуникациям ее участников, заинтересованных в поддержании научного и личностного общения.

Очевидно, что и для институциональных, и для неформальных научных сообществ вопросы формирования и сохранения коллективной идентичности являются, без преувеличения, жизненно важными: имя, научная репутация, узнаваемость в профессиональной среде становятся частью «культурного капитала» сообщества и делают его привлекательным для новых членов – представителей следующих научных генераций. Достижению этой цели служит сохранение корпоративной памяти сообщества, формирование «мест памяти» и практик коммемораций – и современные исследователи, обращаясь к истории научных сообществ, уделяют все большее внимание этим аспектам их бытия. Предметом изучения в современных историографических исследованиях становятся разнообразные коммеморативные практики научных сообществ: празднования юбилеев научных учреждений и авторитетных ученых, чествование памяти деятелей науки, публикации юбилейных сборников и сборников in memoriam. Такие практики рассматриваются современными исследователями как «ритуалы

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

взаимодействия», поддерживающие ощущение солидарности и сопричастности общему делу, и – в более широком плане – как показатели развития самосознания научного сообщества.

Трудно назвать в наши дни такую область исследований в рамках истории исторической науки, которая не вобрала бы в себя в той или иной мере проблематику, связанную с коллективной памятью научного сообщества. Так, в исследованиях, посвященных судьбе видных ученых, предметом исследовательского интереса становится не только их вклад в изучение той или иной предметной области и непосредственная роль в профессиональном становлении учеников, но и их «посмертная судьба» – тот долговременный след, который они оставили в памяти научного сообщества [6]. В свою очередь, труды по схоларной проблематике могут содержать разделы, посвященные образу той или иной научной школы в исторической памяти – «своего рода ее биографии, отложившейся в представлениях различных сообществ»: в коллективной памяти учеников и коллег, в восприятии широких слоев общества и в научных трудах последующих поколений исследователей [3]. Институциональная и дисциплинарная история исторической науки также обогащаются новыми гранями благодаря обращению к проблематике коллективной памяти сообщества. Так, изучение становления диссертационной культуры (культуры подготовки и защиты диссертаций) в российском историко-научном сообществе включает в себя обращение к отдельно взятым «диссертационным историям» как объектам коммеморации [5]. В исследованиях о развитии историографии как научной дисциплины подробно рассматриваются специфические практики воспоминания и забвения: процессы «классикализации» (возведения того или иного ученого в ранг классика исторической науки), а также «развенчания» и «реабилитации» былых классиков [4]. Сюжеты, связанные с корпоративной памятью, мифами, традициями и ритуалами университетского сообщества, стали неотъемлемой чертой современных исследований по отечественной университетологии – истории университетов в ее институциональном, социокультурном и антропологическом измерениях [1].

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

Как показывает анализ современных исследований, «мемориальный поворот» в историографии оказался тесно связан с поворотом к изучению социальной истории науки: одной из стержневых проблем современных историографических исследований, объединяющей множество предметных полей истории исторической науки, можно назвать проблему научной преемственности, разработка которой была бы невозможна без обращения к вопросам коллективной памяти.

Можно заключить, что интерес к коллективной памяти как мощному средству формирования групповой идентичности и действенному способу сплочения научного сообщества не просто обогащает проблематику историографических исследований, но и способствует формированию нового образа исторической науки – на страницах трудов по истории исторической науки, в воспоминаниях историков, в текстах интервью. Социальное поле науки предстает в современных исследованиях как пространство, сотканное из бесчисленных линий межличностных, межпоколенческих и межинституциональных взаимодействий, коммуникативных сетей и «интеллектуальных цепочек»; личная и коллективная память рассматривается в качестве одной из тех сил, которые способствуют постоянному возобновлению этих взаимосвязей. И в этом плане сами современные историографические исследования выступают как форма профессиональной рефлексии, побуждая нас заострять свое внимание на проблемах коллективной памяти и идентичности не только тех научных сообществ, которые являются предметом нашего изучения, но и тех, к которым принадлежим мы сами.

Список литературы

1. Вишленкова, Е. А. Terra Universitatis: два века университетской культуры в Казани / Е. А. Вишленкова, С. Ю. Малышева, А. А. Сальникова. – Казань : Казан. гос. ун-т, 2005. – 498 с.

2. Ганелин, Р. Ш. Советские историки: о чем они говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940-х – 1970-х годах / Р. Ш. Ганелин. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2004. – 213 с.

3. Гришина, Н. В. «Школа В. О. Ключевского» в исторической науке и российской культуре / Н. В. Гришина. – Челябинск : Энциклопедия, 2010. – 288 с.

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

4. Груздинская, В. С. Мастерская историографии. Развитие научной дисциплины в пространстве Академии наук СССР / В. С. Груздинская. – Саратов : Техно-Декор, 2025. – 316 с.

5. Диссертационная культура российского историко-научного сообщества. Опыт и практики подготовки и защит диссертаций. XIX – начало XX в. : коллективная монография / Н. Н. Алеврас, К. М. Белик, О. В. Богомазова [и др.] ; под ред. Н. Н. Алеврас, Н. В. Гришиной. – Москва : Нестор-История ; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2022. – 462 с.

6. Иванова, Т. Н. Владимир Иванович Герье: Портрет российского педагога и организатора образования России / Т. Н. Иванова. – Чебоксары : Изд-во Чувашского ун-та, 2009. – 382 с.

7. Иванова, Т. Н. Школа В.И. Герье: основные черты и место в научном пространстве России / Т. Н. Иванова, Г. П. Мягков // Диалог со временем: альм. интеллектуальной истории. – Москва : ИВИ РАН, 2013. – С. 165–185.

8. Корзун, В. П. Образы исторической науки в отечественной историографии рубежа XIX-XX веков : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.09 / В. П. Корзун ; Ин-т истории и археологии УрО РАН. – Екатеринбург, 2002. – 39 с.

9. Мягков, Г. П. Научное сообщество историков дореволюционной России в свете «старой» и «новой» модели исторического исследования / Г. П. Мягков // Диалог со временем: альм. интеллектуальной истории. – Москва : ИВИ РАН, 2011. – С. 206–214.

10. Репина, Л. П. «Мемориальный поворот» и «история памяти» в России / Л. П. Репина, О. Б. Леонтьева // Историки в поисках новых перспектив : коллективная монография / под общ. ред. З. А. Чеканцевой. – Москва : Аквилон, 2019. – С. 274–317.

11. Ростовцев, Е. А. Направления исследований исторической памяти в России / Е. А. Ростовцев, Д. А. Сосницкий // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2014. . – Сер. 2, Вып. 2. – С. 106–126.

12. «Ты идёшь в храм науки…» : интервью и воспоминания сотрудников Института российской истории РАН. К 85-летию ИРИ РАН / авт.-сост. В. Н. Круглов

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

(отв. ред.), В. В. Тихонов, Ю. С. Филина: Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. – Москва : Ин-т рос. истории Рос. акад. наук, 2021. – 480 с.

13. Хут, Л. Р. Теоретико-методологические проблемы изучения истории Нового времени в отечественной историографии рубежа XX–XXI вв. / Л. Р. Хут ; Московский гос. пед. ун-т, Адыгейский гос. ун-т. – Москва, 2010. – 702 с.

14. Цыганков, Д. А. Формирование сообщества профессиональных историков в Московском университете во второй половине XVIII – начале XX века : в 3-х т. : дисс. ... д-ра ист. наук. 5.6.1. Т. 1 / Д. А. Цыганков. – Москва, 2023. – 364 с.

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)